

НЕКРАСОВ И МИХАЙЛОВСКИЙ

I

Ни одного из "крупных русских художников слова судьба не ставила в такие близкие отношения с самыми выдающимися представителями современной критической мысли, как Некрасова. Если считать наиболее влиятельными русскими критиками середины и второй половины XIX века В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Н. К. Михайловского, то нельзя не констатировать, что с каждым из них Некрасов был связан очень тесными узами. Правда, последний из названных вами критиков отнюдь не был близким Некрасову человеком, тем более не был личным другом его, как первые три. Однако он играл в "Отечественных Записках",-- в последнем журнальном предприятии Некрасова,-- очень видную роль, являясь не только критиком в узком смысле этого слова, но и идеологом того направления (народничество), органом которого "Отечественные Записки" сделались, как только перешли в руки Некрасова, т. е. с 1868 г. Начиная журнал, Некрасов, собственно говоря, думал о привлечении в его сотрудники не Михайловского, еще не проявившего себя крупным литературным деятелем, а того критика, который, после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, только и мог претендовать на роль их заместителя. На это ему давали право и приобретенная им широкая известность, и крупное самобытное дарование, и ярко-прогрессивное направление, которое хотя и не было тождественно с направлением двух недавних "вдохновителей "Современника", но, во всяком случае, позволяло ему в некоторых отношениях считать себя последователем и даже учеником Чернышевского. Мы имеем в виду Дмитрия Ивановича Писарева. Правда, Писарев только что вышел из тюрьмы, а тюремное заключение очень неблагоприятным образом отразилось и на его физическом самочувствии и на его способностях: нельзя отрицать, что статьи, написанные Писаревым в эту пору, гораздо слабее того, что он писал как до тюрьмы, так и во время своего в ней пребывания. Редактор "Дела" Г. Е. Благосветлов, с которым Писарев в это как раз время порвал всякие отношения, в такой мере был убежден, что от Писарева, как от писателя, ничего более ждать не приходится, что не постеснялся по поводу ухода Писарева из "Дела" написать Н. В. Шелгунову буквально следующее: "Великая потеря, если бы Писарев остался прежним Писаревым, но если нет - то слава богу. Он умер уже давно, как умственный деятель, т. е. умер в конце прошлого года" (письмо от 10 июля 1868 г.). Некрасов, очевидно, смотрел на вопрос иначе, чем Благосветлов. Умственное утомление Писарева, конечно, и для него не составляло секрета. Может быть этим от объясняется, что он хотя и (привлек его к сотрудничеству в "Отечественных Записках", хотя и создал для его сотрудничества в этом журнале несравненно лучшие материальные условия, чем те, в которых до сих пор приходилось работать Писареву {Когда детски-беспомощный в практических делах Писарев заявил Некрасову, что ее может взять меньше 50 р. за лист - гонорар, который ему платили "Русское Слово" и "Дело",-- то Некрасов ответил ему, что "никогда не решится предложить ему такую плату" и будет "платить по 75 р. за лист (письмо Писарева к матери от 3 июля 1867 г.)}, но избегал давать ему особенно ответственные литературные поручения. Статьи Писарева, напечатанные в "Отечественных Записках", это - по большей части пересказы и переводы. Действуя таким образом, Некрасов, быть может, руководствовался и другими соображениями: быть может ему не хотелось, чтобы за "Отечественными Записками", пока они еще не завоевали себе прочного положения, утвердилась репутация "нигилистического" журнала в том смысле, в каком являлось "нигилистическим" журналом "Русское Слово", главным вдохновителем которого был именно Писарев. Наконец Некрасов, естественно не мог быть уверенным в том, что по своему направлению статьи Писарева совпадут в общем идеологическом тоне "Отечественных Записок", тем более, что хотя "Современник" и "Русское Слово" были и родственными органами, но временами между ними велась горячая полемика, в которой принимал деятельное участие и Писарев. Во всяком случае, приглашая Писарева в "Отечественные Записки", Некрасов прекрасно понимал, что большому кораблю, а Писарев был, разумеется, большим кораблем тогдашней литературы, рано или поздно придется пуститься в большое плавание. "Пусть отдохнем успокоится, присмотрится к новым товарищам по журналу, приобщится в полной мере к тому направлению, которое проводит журнал, а там мы его и пустим в большое плавание",-- так, надо думать, рассуждал Некрасов в первые месяцы сотрудничества Писарева в "Отечественных Записках". Увы! он не предполагал, что эти первые месяцы станут вскоре и последними. Весной 1868 г., в один из понедельников, редакционных дней "Отечественных Записок",-- Писарев, веселый и оживленный, явился в редакцию: он приходил проститься с товарищами пред отъездом в Дуббельн, где намеревался отдохнуть

летом (см. "Воспоминания" А. М. Скабичевского). Через несколько недель пришло роковое известие об его преждевременной и случайной кончине (он утонул, купаясь в море)... Надежды Некрасова на его сотрудничество в "Отечественных Записках" таким образом рухнули, и единственное, что оставалось поэту, -- оплакать в прочувствованных стихах его смерть, как он в свое время оплакал смерть Белинского и Добролюбова. Стихотворение Некрасова "На смерть Писарева" - всем известно, но мало кто знает, что, посылая его близкой Писареву М. А. Маркович, Некрасов снабдил его следующим запиской-комментарием {Записка эта впервые была напечатана нами в одной из наших книг о Некрасове (М. 1914 г.)}:

"Только Вам, Марья Александровна, решаюсь покуда дать это стихотворение. Писарев перенес тюрьму не дрогнув (нравственно) и, вероятно, так же встретил бы эту могилу, которая здесь разумеется, но ведь это исключение - покуда жизнь представляет более фактов противоположного свойства {Эти строки имеют в виду ту часть стихотворения, в которой находившийся еще под впечатлением пережитого в 1866 г. Некрасов с горестью опрашивал: "у кого не слабели шаги перед дверью тюрьмы и могилы?.."}, и поэтому-то и моя мысль приняла такое направление. Словом - вы понимаете - так написалося.

Вам пред. Некрасов"

Смерть Писарева вновь поставила перед редакцией "Отечественных Записок" вопрос о привлечении такого писателя для работы в критическом отделе журнала, который годился бы для роли составителя программных статей. А. М. Скабичевский, энергично сотрудничавший в "Отечественных Записках" с момента их перехода в руки Некрасова и откликнувшийся, кстати сказать, на смерть Писарева двумя обширными статьями ("Отечественные Записки" 1869 г., No 1 и No 3), разумеется, не имел достаточных данных, чтобы занять место главного, так сказать, идеолога "Отечественных Записок". А между тем в конце 60-х и в 70-е годы вопрос "како веруеши" стоял очень остро, и лишь те журналы, которые могли дать на него не только определенные, но и теоретически обоснованные ответы, могли рассчитывать на общественное внимание. Мы не хотим этим сказать, что такие "столпы" "Отечественных Записок", как тот же Некрасов, Салтыков-Щедрин, Елисеев, наконец, Глеб Успенский, не внедряли в сознание читателей очень определенной идеологии, но ни один из них, не исключая даже Елисеева, не мог дать теоретического обоснования того направления, которому служили "Отечественные Записки". Идеологом-теоретиком некрасовского журнала суждено было стать Н. К. Михайловскому, и эту роль Михайловский выполнял и после смерти Некрасова в течение всего шестнадцатилетнего (1868--1884 гг.) существования народнических "Отечественных Записок". Расцвет литературной деятельности Михайловского падает именно на годы его работы в "Отечественных Записках". Наиболее значительные статьи этого "властителя дум" народников-семидесятников помещены именно в некрасовском журнале. Михайловский времен "Русского Богатства", конечно, не может идти в сравнение с Михайловским "Отечественных Записок". Вот почему вопросы об его вхождении в "Отечественные Записки", об его отношениях с главным редактором их представляют довольно значительный интерес. Этим вопросам и посвящается настоящая статья.

Михайловский не сразу решился привязать свою ладью к корме "Отечественных Записок". Хотя его, если судить по "Литературным воспоминаниям" (см. т. VII, стр. 44--51), и "не смущали" широко муссируемые слухи о союзе Некрасова с Краевским, как о симптоме, будто бы указывающем на перемену фронта бывшего редактора "Современника", так как от своего доброго знакомого Н. С. Курочкина он, "знал, что никакого союза тут нет, но есть простая денежная сделка, в силу которой Краевский отдавал на известный срок и за известную ежегодную плату свой журнал Некрасову, обязуясь не вмешиваться в литературную сторону дела", -- однако идти в "Отечественные Записки" он "упирался". "Упирался" но мотивам, не лишенным психологической сложности, которые свидетельствуют о значительной тонкости его душевного склада. Дело в том, что Михайловскому, принадлежавшему к искренним и глубоким почитателям "музы мести и печали", очень тяжело далось то разочарование в нравственной стойкости ее певца, которое явилось неизбежным следствием событий весны 1866 г. "Громкое, дорогое нам, -- оговорит Михайловский в своих воспоминаниях, -- тогдашней да, надеюсь, и теперешней молодежи имя Некрасова очень потускнело со времени закрытия "Современника"... Мне, горячему почитателю, (поэта, самому случалось слышать злорадные возгласы: "Ну, что ваш Некрасов? Хорош?" Нехорош, (конечно, "но как же горько и обидно было

пригнать это... Оскорбление, нанесенное моей юной душе Некрасовым, было слишком велико, и не мудрено, что я упирался итти в "Отечественные Записки".

Здесь необходимо оказать несколько слов о том, что представлял собою Н. К. Михайловский как писатель, как интеллектуальная величина вообще, к моменту его вступления в сотрудники "Отечественных Записок". В недавнем еще прошлом обычным являлось утверждение, что настоящим установившемся литератором Михайловский, в противоположность Добролюбову и Писареву, стал сравнительно поздно, около 30 лет отроду, т. е. не ранее начала 70-х годов (Михайловский родился в 1842 г.). Однако тщательное изучение его мало известных большой публике писаний середины 60-х годов не только не "подтвердило этого взгляда, но подорвало его в корне. Статьей Н. С. Русанова, открывающей X том сочинений Михайловского, путем анализа целого ряда произведений Михайловского начального периода его деятельности установлено, что "тем Михайловским, какого мы знали на рубеже 60-х и 70-х годов, тем публицистом, который сразу же обратил на себя внимание читателей "Отечественных Записок", он был уже с самого начала второй половины 60-х годов. Не о позднем, стало быть, выступлении приходится говорить, а о том, как поразительна была сила обобщающей мысли у молодого человека, который в 25 лет уже прочертил глубокими штрихами основные контуры своего оригинального мирозерцания". К аналогичному выводу пришел и Е. Е. Колосов, который во введении к тому же X тому (см. стр. XV) категорически утверждает, "что датой полной умственной зрелости Михайловского мы вправе считать годы 1865--1866". То, что еще мало было заметно для широких общественных кругов, не укрылось, надо думать, от столь опытных глаз, как глаза тогдашних руководителей "Отечественных Записок", и этим-то обстоятельством, по всей вероятности, и объясняется как настойчивость Н. С. Курочкина, усиленно тянувшего Михайловского в "Отечественные Записки", так и исключительность внимания, оказанного ему редакцией после того, как вопрос об его сотрудничестве в журнале был решен в положительном смысле. В отступление от обычного порядка, его роман "Борьбу", как он рассказывает в своих воспоминаниях, "не просто взяли для прочтения, а предложили ее прочитать самому в присутствии всей редакции". Тотчас это окончании чтения, которое, кстати сказать, едва ли могло произвести особенно благоприятное впечатление на собравшихся, так как Михайловский не обладал значительным художественным талантом, да и роман его к тому же был не закончен, "Курочкин отвел Некрасова в сторону и что-то прошептал ему, после чего Некрасов подошел ко мне с вопросом, не нужно ли мне денег. Деньги были мне очень нужны, но я сконфузился и отказался. Выходя вместе со мной из редакции, Курочкин меня очень бранил за этот отказ, а о романе выразился так: "Бойко написано, бойко прочитано, впечатление получилось недурное, а, в сущности, бросьте-ка вы этот роман: право, не ваше дело!" Я и сам в эту именно минуту почувствовал, что надо бросить и что это не мое дело". Приведенные факты в один голос говорят о том, что со стороны редакции "Отечественных Записок" с первого момента вступления Михайловского в этот журнал были проявлены к молодому писателю незаурядные интерес и благожелательство, выразившиеся не только в лестном для его самолюбия акте чтения романа в присутствии всей редакции, но и в готовности итти навстречу его материальным нуждам. Подобное отношение столь авторитетных писателей и журналистов, как Некрасов, Салтыков и Елисеев, из-за которых, по удачному выражению "Литературных воспоминаний", "выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевского, Белинского, как бы передававших им свой авторитет", в связи с самым фактом приобщения к редакционной семье такого солидного и многообещающего журнала, как "Отечественные Записки" новой редакции, не могло не произвести на Михайловского сильное впечатление. "Мне именно в этот лее вечер (т. е. вечер чтения "Борьбы"),-- говорится в его воспоминаниях,-- стало ясно, что я действительно у пристани... Я в первый раз подошел к вершинам русской литературы, настоящим, несомненным, общепризнанным. От этих людей (т. е. Некрасова, Салтыкова и Елисеева) и от руководимого им дела веяло спокойною, сознающею себя силой. Примыкая к ним, вы чувствовали, что вступаете на какую-то хорошую или худую, - это как кто посмотрит,-- "о во всяком случае прочную, смею оказать, историческую дорогу. Эта дорога, с одной стороны, уходила в даль прошедшего, где была пробита не одним поколением тружеников и страстотерпцев, а с другой - расстилалась в перспективу будущего. Велики и ярки были таланты Салтыкова и Некрасова, крупную литературную силу представлял собою и Елисеев, но их личные силы удваивались тем историческим путем, на котором они стояли. Отнюдь не связанные преданиями в том смысле, чтобы не сметь делать ни единого шага за свой собственный страх и счет, они, кроме силы личного убеждения, еще в своих связях с прошлым черпали уверенность в правоте своего дела. Чем глубже становится идея в прошлом, тем

спокойнее выносит она всякие бури и невзгоды, все равно как дерево с глубоко сидящими корнями. Спокойная, уверенная в себе сила чувствовалась во всем обиходе редакции "Отечественных Записок" и давала себя знать при первом, даже самом поверхностном сближении с нею". Естественно поэтому, что Михайловский "был счастлив примкнуть к живым преданиям действительно нового слова, сказанного самою жизнью в эпоху 50-х и 60-х годов". Радостное настроение, охватившее Михайловского под впечатлением первых шагов на новом поприще, не обмануло его: сделавшись своим человеком в редакции "Отечественных Записок", он тем самым вступил едва ли не в самый широкий и глубокий фарватер среди тогдашних литературных течений. С другой стороны не ошиблась в своих ожиданиях и редакция "Отечественных Записок", которая приобрела в Михайловском незаурядного сотрудника. Выше было указано, что руководители "Отечественных Записок" ценили Михайловского еще до приобщения его к их журнальному кружку; тем более возвысился в их глазах его авторитет в течение первого года его сотрудничества в связи с помещением в журнале таких статей, как "Жертва старой русской истории" (1868 г.), "Что такое прогресс" (1869 г.), "По поводу русских уголовных процессов" (1869 г.) и некоторые другие.

У нас в руках есть фактические доказательства того, что уже к середине 1869 г. Михайловский занимал совершенно исключительное положение среди прочих сотрудников Некрасовского журнала. Это доказательство - письмо Г. З. Елисеева к Некрасову от 9 июля 1869 г., в значительной части которого как раз и говорится о Михайловском, его литературной работе для "Отечественных Записок" и связанных с нею надеждах. Заметим, что Елисееву в данном случае были и карты в руки потому, что Михайловскому "приходилось иметь дело, главным образом, с Елисеевым, который в беллетристические дела не мешался, но зато тем большее влияние имел на прочие отделы".

Вот относящийся сюда отрывок из письма Елисеева: "Что касается до Краевского, то он ведет себя вполне безукоризненно. В деньгах до сих пор никому не отказывал,-- даже Михайловскому, который состоит должным более 1000 рублей, он не отказывал. Но именно Михайловский составляет пункт моих опасений в будущем. У Михайловского жена в Фрайценсбаде. Деньги ему потребуются еще и, вероятно, немало. - Михайловский, как видно по последним статьям его, оказывается даровитейшею личностью и может быть даже надеждою литературы в будущем. Для журнала он человек незаменимый и с будущего сентября он будет писать журнальное обозрение. - От вашего имени я обещал ему с будущего года жалование постоянное; второе: в силу вашего же обещания - скидку с его долга того излишка, который окажется по расчету не 60, а 75 руб. за лист. Вы с нового года прошедшего обещали возвысить его плату в сравнении с другими,-- и когда она была повышена на 60, он остался ери прежнем расчете, т. е. повышения для него не произошло, т. е. обещание ваше осталось неисполненным. Деньги, которые будут даны Михайловскому, он, конечно, заработает! Он может работать много. - Встретится ли действительно -препятствие при отдаче вновь вперед денег Михайловскому, я не знаю. Во всяком случае было бы хорошо, если бы вы черкнули несколько слов об этом для конторы и прислали мне".

Некрасов, получив это письмо (он был в то время в Киссингене), поспешил исполнить желание Елисеева; он написал об этом, деле Краевскому в следующих выражениях (см. письма Некрасова к Краевскому в "Ежемесячных сочинениях", 1903 г., No 2): "Есть у нас сотрудник Н. Михайловский; теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых, и ему, без сомнения, предстоит хорошая будущность. Кроме несомненной талантливости, он человек со сведениями, очень энергичен и работящ. "Отеч. Запискам" он может быть полезен сильно и надолго. Человек он честный и "скромный, но теперь, по поводу своей женитьбы, сильно нуждающийся. Я очень рад, что вы, как пишет мне Елисеев, не отказали ему в деньгах, несмотря на то, что он уже изрядно должен и конторе "Отеч. Зап." и мне лично. Легко может быть, что вы и без этого моего письма не отказали бы. ему и еще, но я на всякий случай прошу вас, не откажите, если обратится: у него теперь жена лечится в Франценсбаде, и, кроме редакции "Отеч. Зап.", некуда прибегнуть. С осени он, между прочим, будет писать в "Отеч. Зап." "Обозрение журналистики", да у него есть еще роман. Постепенно он все отработает".

Из этих данных явствует, что едва ли не преобладающей заботой редакции "Отеч. Зап." в отношении Михайловского была забота об его материальном благополучии. Удивляться этому не следует. Начиная со середины XIX века, когда на литературную арену, равно как и на

поприще других интеллигентных профессий, хлынули разночинцы, в огромном большинстве или Ноовсе необеспеченные материально, или обеспеченные крайне слабо, положение пишущей братии ухудшалось. Автору этих строк приходилось прочитывать архивные дела "Общества вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым" (Литературного фонда) за первые два десятилетия его существования, и он может констатировать, что нет таких проявлений бедности, доходящей до нищеты, указания на которые не встречались бы в бесчисленных, надрывающих душу однообразной горечью своего содержания просьбах и ходатайствах голодающих, холодающих, униженных и оскорбленных русских литературных (пролетариев. С другой стороны, автор настоящей статьи познакомился с несколькими сотнями неизданных еще писем, поступавших к Некрасову, как редактору-издателю сначала "Современника", а потом "Отеч. Зап.", от многих десятков современных писателей, и имел случай убедиться, что преобладающим мотивом их являются иногда самолюбиво-лаконические, иногда униженно-пространные просьбы о деньгах.

Некрасов, которому в юности лицом к лицу приходилось встречаться с голодом и нуждой, который на собственном опыте знал, как уродуют и калечат они молодые дарования, повидимому, вполне сознательно стремился к тому, чтобы не только их мрачные тени, но даже и простая нехватка в деньгах не угрожала Михайловскому. А денег Михайловскому в первое время его сотрудничества в "Отеч. Зап." вследствие его женитьбы, а затем болезни жены требовалось много...

Бели, таким образом, с одной стороны, Михайловский испытывал надобность в материальной поддержке со стороны редакции "Отеч. Зап.", то, с другой, будучи, как было показано выше, установившимся в основных чертах (своего общественно-философского мировоззрения мыслителем, он все же нуждался в некотором руководстве, как журнальный писатель, потому, что этого руководства не мог найти в тех второразрядных органах, в которых сотрудничал прежде. Вполне естественно, что, несмотря на свою даровитость, Михайловский не имел еще достаточно опыта в той чисто журнальной манере письма, которая необязательна в серьезных статьях типа знаменитой статьи "Что такое прогресс", но без которой трудно обойтись во всяких литературных заметках, "журнальных обзрениях" и т. п., а раз не имел достаточного опыта, то без всякой ложной обидчивости должен был принимать к сведению некоторые из замечаний столь искусившегося в журнальном деле писателя, как Некрасов, а иногда, конечно, в исключительно редких случаях, даже мириться с отказом в помещении какой-нибудь статьи, подобно тому как он сам добровольно отказался от мысли печатать свой роман. Вот те предварительные замечания, которые показали нам нелишними, прежде чем привести некоторые из сохранившихся писем Михайловского к Некрасову.

Начинаем с трех писем 1869 г.:

1

"Милостивый государь,

Николай Алексеевич.

С июля месяца по декабрь, следовательно, полгода, я сидел без работы, вследствие чего обзавелся долгами. Далее, "Русских преступников" я доставил в октябре, а пойдут они только в марте, а вы, вероятно, заметили, что люди пишут тем больше, чем больше печатаются. Наконец, свадьба моя потребовала расходов во всяком случае экстраординарных. Подробности эти для вас несколько не интересны, и налагаю я их только для очищения совести в виду быстро выросшего моего долга редакции. Долг этот состоит во-первых из 200 рубл., взятых в счет романа, и затем взято мною еще 600 рубл. "Кельсиевым", "Преступниками" и "Прогрессом", я полагаю, я совершенно рассчитаюсь с вами (за исключением первых 200 р., о которых речь впереди). Вторая статья о Спенсере будет готова скоро, Елисееву я отдал еще одну небольшую статейку (впрочем сомнительную). Затем, две-три статьи у меня еще целиком сидят в голове. Вы догадываетесь, конечно, что все это я веду к тому, что мне опять нужны деньги. Я хотел вам сказать об этом еще в понедельник, потом в пятницу, да как-то не сказалося. Мне нужны 300 рубл., и хотя теперь вы имеете не только редакторское и издательское, а и нравственное право отказать мне, но я думаю, что мы сквитаемся очень

быстро, когда статьи мои начнут печататься. Работать я могу довольно скоро и вообще думаю, что "Отеч. Зап." буду не бесполезен. Тем не менее, обращаться к вам еще раз мне тяжело, что вы можете заключить уже из того, что с понедельника до сегодня я не решался просить денег. Это же обстоятельство показывает, что деньги мне действительно нужны. Во всяком случае, на решение ваше я не буду иметь никакого права претендовать. Я бы вам был очень благодарен, если бы уведомили меня поскорее: да или нет, и, разумеется, буду вдвойне благодарен, если вы окажете - да.

Преданный вам Михайловский.

P. S. Мне почему-то кажется, что роман мой вам не годится. Пожалуйста не церемоньтесь сказать мне это прямо. Я уже далеко им не так интересуюсь, как прежде, и совершенно хладнокровно выслушаю неблагоприятный приговор.

8 февраля 1869 г.

P. P. S. Недавно вышла книжка Кетле "Phisque sociale". Я бы вас попросил оставить ее за мной. Вместе с книжкой Дюфо "Methodedobservation", я займусь ею после Спенсера; кроме того - чтобы с кем-нибудь не встретиться - я готовлю историко-некрологическую параллель между Маккиавелли и Савонаролой".

2

"Николай Алексеевич.

Я и рад и не рад вашему решению насчет моих заметок. Не рад потому, что понапрасну потерял время, в ущерб статье о Спенсере (которую совсем недоволен), и еще потому, что это колеблет мой бюджет очень не во-время. Рад потому, что решение ваше выводит меня из неприятного положения. Заметки мои мне самому казались в высшей степени неудовлетворительными. Я читал их жене, и она настаивала на том, что они не должны быть напечатаны, между прочим потому, что недовольство самим собой мне всегда обходится не дешево, а если бы заметки попали в печать, я бы отнюдь не радовался, перечитывая их. Если я отдал их вам, то, во-первых, потому, что хотелось сдержать обещание, а во-вторых, потому, что нужны деньги. Эти соображения перевесили. Обещание я свое как-никак исполнил, теперешняя нужда переживется, и я, разумеется, только поблагодарю вас за вашу откровенность. Теперь я принимаю ваше решение просто *sa fact*. Но романа своего я не дам: обжегся на молоке, так и на воду дуешь. Рукопись я почти всю уничтожил, а из того, что было набрано для "Совр. Обозр.", трудно что-нибудь выкроить, да у меня л рука не поднимается возиться с этим делом. Неудовлетворительность заметок я объясняю, во-первых, тем, что в нехорошую минуту стал писать в совершенно несвойственном мне тоне, который потом старался просто за уши тянуть. Хорошего тут ожидать и нечего было. Далее у меня разбежались сглаза по массе мелкоты, в которой решительно не за что было ухватиться. Что покрупнее, так об этом уже было говорено и переговорено. Этим объясняется бессодержательность статьи. Это я вот к чему. Несмотря на фиаско первых заметок, я хочу сделать еще одну пробу, всю ответственность за которую беру на себя без остатка, т. е. приглашаю вас просто взять статью или не взять, не думая о том, насколько это для меня приятно или неприятно, выгодно или невыгодно. Для этого прошу вас прислать мне (сам я не могу притти потому, что болен и только что встал с постели) "Библиограф" и последний No "Вестника Европы". Так как тот и другой, вероятно, кому-нибудь нужны, то обязуюсь возвратить их через два-три дня: "Библиограф" не объемист, а в "Вестнике" мне нужна только статья Утина. Как ни неприятно мне опять писать вам о деньгах, но нужда скачет и песни поет. Будучи вам очень благодарен за предложение вознаграждать меня напечатанием отрывка из романа, я однако не могу его принять. Поэтому я был бы очень рад, если бы вы придумали какое-нибудь другое средство. Само собой разумеется, что я не имею в виду получить деньги за негодную статью. Но если бы вы не побоялись еще увеличить цифру моего долга, то такое ваше бесстрашие (для этого, кажется, действительно нужно бесстрашие, я давно уже не проверял - своих счетов) окончательно заставило бы меня радоваться напечатанию заметок.

Преданный Вам

Н. Михайловский.

Я бы Вас просил прислать мне корректуру заметок. Там есть отзыв о книге Лоренца, который, будучи исправлен, может пригодиться для библиографии".

3

"Николай Алексеевич.

Бывши вчера в редакции, я хотел попросить у Вас денег, да как-то не попросилось. Я решил было, что как-нибудь перебыюсь до выхода книжки. Но теперь вижу, что это дело невозможное. О степени этой невозможности можете судить хоть по тому, что я только сегодня взял у одного приятеля пальто, далеко не зимнее, во которое все-таки зимнее моего. Остальные подробности моего комфорта в этом же роде. Мы условились с Вами, что в уплату моего долга. Вы будете вычитать у меня из гонорария по 50 рубл. В ноябрьской книжке моих будет напечатано листов пять, а следовательно и за вычетом 50 рубл. у меня все-таки останется нечто, в счет которого прошу "вас выдать мне теперь же хоть сколько-нибудь. В прошлом месяце у меня не было напечатано ничего, и потому я все это время жил в долг. Кстати мне хочется представить на Ваше рассмотрение следующие соображения.

Вы мне назначили 60 рубл. полистой платы, в то время когда минимум платы был у вас 50 рубл. Была у нас речь и об том, что вместе с более установившимися делами "Отеч. Зап." будет возвышен и мой гонорар. С тех пор минимум платы был поднят до 60 рубл., а я остался при старом. Я не думаю сравнивать своих статей с чьими-то ни было по достоинству. Я тут не судья. Равным образом понимаю, что в распределении гонорара важную роль играет более и менее известное имя -писателя, на каковое я пока не имею ни малейшей претензии. Есть однако в моей работе одна сторона, об которой я могу говорить вслух - именно количество вложенного в нее труда.

Чутье писателя сказало вам, быть может, что мои статьи даются мне не даром, что я кладу в них много моей жизни. Но я не на это хочу обратить ваше внимание: дело это не для всех видное, да и окупается оно в значительной степени само собой. Но вот что может оценить каждый грамотный человек: для статьи об уголовных процессах мне пришлось прочитать 5 томов безобразного сборника Любавского; для статьи о прогрессе 11 выпусков Спенсера и 6 томов философии Конта; для литературных заметок - 4 журнала за целый год; для статьи, за которую я теперь примусь (варьяции на тему теории Дарвина под общим заглавием "Борьба за существование в природе и "в обществе"), мне придется Прочитать, по крайней мере, десяток сочинений, мне еще незнакомых. Думаю, что большинство и моих будущих работ потребует такого же труда, а книжки еще, кроме того, надо покупать. Изю всего этого предоставляю вам самому сделать надлежащий вывод, который Вы, "может быть, не откажете сообщить мне.

Преданный Вам

Н. Михайловский

4 ноября 1869 г.

На углу Разъезжей и Болотной, д. No 31 Макарова, кв. No 1".

Письма эти говорят сами за себя и в пространных комментариях не нуждаются. Отметим только, что денежные отношения между Михайловским и Некрасовым были таковы, что последний имел, по выражению "первого, не только "издательское", но и "нравственное" право отказывать ему в дальнейших выдачах, однако, насколько можно судить по письмам, не отказывал, а, проявляя настоящее "бесстрашие", удовлетворял просьбы Михайловского. Да и как было не удовлетворять, когда Михайловскому приходилось временами пробавляться взятым у приятеля пальто, хотя и "далеко не зимним", но бывшим все-таки "зимнее" его собственного? В какие отчаянные положения ставило иной раз Михайловского отсутствие денежных ресурсов, об этом свидетельствует также и нижеследующая записка его к Некрасову:

"Совестно мне, Николай Алексеевич, да невольно приходится. Судьба так нелепо подогнала разные непрошенные, нежданые и (негаданные обстоятельства, что мне трудно ждать даже назначенного Вами срока, т. е. выхода "Отеч. Зап.". Если можете дать мне денег (хоть не все) немедленно, давайте бога ради, дозарезу нужно. Уважающий Вас Н. Михайловский".

Однако острый недостаток в деньгах, дававший себя чувствовать Михайловскому, и сопряженные с ним жизненные злоключения не подорвали, как это видно по приведенным "письмам, его выдающейся работоспособности, не заставили его, несмотря на заинтересованность в помещении, а следовательно и в оплате каждой статьи, им написанной, гнаться за напечатанием во что бы то ни стало менее удачных своих произведений,

II

Процесс совершенствования Михайловского как писателя происходил настолько быстро, что через каких-нибудь два-три года по вступлении своем в число сотрудников "Отеч. Зап." он занял в этом журнале столь авторитетное положение, что уже Некрасову приходилось иногда поступаться в отношении его статей своим собственным мнением. Об этом можно судить по следующему факту. В первых же своих "Литературных и журнальных заметках", которые, он начал вести в "Отеч. Зап." с мая 1872 г., Михайловскому пришлось вступить в ожесточенную полемику с фельетонистом "С. -Петербургских Ведомостей" В. П. Бурениным, писавшим тогда под псевдонимом Z. В первой стадии этой полемики Буренин был затронут Михайловским мимоходом, так как Михайловский гораздо большее значение, чем печатной распри с ним, придавал опровержению либерально-буржуазных тенденций газеты Корша. Однако это не помешало Михайловскому сказать по его адресу несколько бесспорных, но крайне неприятных для него истин. Дело в том, что Михайловский в своих "Заметках" коснулся его литературной деятельности, как примера, насколько может быть вреден журналистике человек, "не имеющий никакой политической программы", "потому, что будучи эмансипирован от нравственно-политических принципов, он уподобится губке, впитывающей в себя всякую жидкость, с которой придется соприкасаться". Разобиженный Буренин обрушился на своего противника в целом ряде грубых, крикливых, но вовсе не убедительных статей и фельетонов (№№ 138, 142 и 144); мало того, не ограничившись нападками на одного Михайловского, он позволил себе в № 170 "С. -Петербургских Ведомостей" (от 24 июня) ряд резких выпадов против всего редакционного кружка "Отеч. Зап.", а главным образом, против Салтыкова, пред которым до сих пор почти что благоговел. Этот фельетон Буренина произвел значительное смятение в "Отеч. Зап.". Вот что писал Некрасов под свежим впечатлением его тогдашний секретарь редакции Плещеев (цитируем по "Архиву с. Карабихи"): "Читали вы фельетон "С. -Петерб. Вед.", суббота (24-го), где ругня этого... Буренина вышла уже из всяких пределов приличия? Все названы там хамами и проч. В особенности же оплеван Салтыков. Нам кажется, что подобной вещи оставлять без ответа нельзя. Если от вас не получится ничего для напечатания в июльской книжке (или от Салтыкова), то ответ будет написан сообще Курочкиным, Михайловским и Демертом... и... будет воздано по заслугам. Вот Салтыков все церемонится называть по именам; а на него не церемонились вылить ушат... без всяких обвиняков и аллегорий". Взволновался, повидимому, и сам Салтыков, о чем можно судить по нижеследующему отрывку из письма его к Некрасову ("Архив с. Карабихи"): "По поводу ругательного фельетона Буренина я "надумал написать к нему письмо. Но так как ум хорошо, а два лучше, то я прилагаю это письмо к Вам с тем, что ежели Вы найдете его удобным, то закроете и дошлете, а ежели оно не годится, то пришлите мне его обратно".

Неудивительно при таких условиях, что ответ Михайловского Буренину вышел "облитым" если не "горечью", то "злостью". В первой части его, написанной, очевидно, до появления в печати буренинского фельетона от 24 июня (эта первая часть завершает собою в X т. соч. Михайловского "Литературно-журнальные заметки", перепечатанные из № 7 "Отеч. Зап." за 1872 г., тогда как вторая часть, также входившая в состав "Заметок", в X т. выделена в особую статью - "Беседа со старым воробьем"), Михайловский полемизирует еще в достаточно сдержанном тоне, но во второй части ой не останавливается перед очень резкими, если не сказать больше, выражениями по адресу своего противника. Впрочем, в те времена (начало 70-х гг.) эта резкость не противоречила общепринятым полемическим нравам, да и Буренин едва ли понимал какой-либо другой язык. Уже один вступительные слова "Беседы со старым

воробьем" должны были убедить всех и каждого, что Михайловский решил не церемониться с Бурениным: "Гейне, где-то, кажется, в "Reisebilder" говорит, что нет животного несноснее клопа, потому что если вы его раздавите, то он и после смерти будет вам мстить своим отвратительным запахом. Но запах этот испускается клопом и до смерти, как только вы да него наступаете. Мне довелось сделать недавно этот эксперимент: я наступил на одного такого "клопа, на г. Буренина, и он уже воскурил свой фимиам... А раз атмосфера заражена, я решаюсь уже заодно раздавить "клопа совсем. Да, я его сейчас раздавлю. Он будет, конечно, испускать свой характерный запах и после смерти, он будет даже этот запах выдавать за продолжение своего существования и не без оснований; но Он сам себе не будет верить, а всякий порядочный человек если не глазами, так обонянием убедится, что перед ним лежит раздавленный клоп".

Мы не будем останавливаться на всех тех убийственных ударах, которыми осыпает Михайловский на протяжении своей статьи Буренина; скажем только о том, как он объясняет внезапный гнев фельетониста "Петербургских Ведомостей" на Салтыкова: "Вам была возвращена из редакции "Отечественных Записок" Ваша довольно объемистая рукопись (я надеюсь прочесть ее в "Вестнике Европы"). Это случилось с Вами не первый раз. Но тут возвращение манускрипта сопровождалось таким обстоятельством, что вы ясно поняли, что дело кончено, что вы подверглись остракизму. И вот ваша воробьиная душа запылала негодованием. Как, воскликнули вы, я, старый воробей, и терплю такой афронт, такой убыток и, наконец, такое сокращение ресурсов по части шныряния по всем редакциям? И вы настроили свой фельетон No 170. Читая его, я радовался за г. Салтыкова, избавившегося, наконец, от вашего позорного курения и получившего возможность быть вами обруганным".

Этот и многие другие, вскрытые Михайловским литературно-моральные подвиги Буренина дали критику "Отеч. Зап." право притти к следующему поучительному для "старого воробья" выводу: "Можно быть Хамом, не будучи сыном Ноя"...

В нашем распоряжении есть данные, позволяющие утверждать, что статья Михайловского достигла цели. Вот что писал по этому поводу тот же Плещеев к Некрасову от 26 июля ("Архив с. Карабихи"): "Статья Михайловского - в ответ Буренину - кажется вышла очень удачна и производит некоторую сенсацию. По-моему это убийственная статья - для Буренина. Как он ни вертись - и что бы он ни стал отвечать - но сущность его вся разоблачена, и на душе у него по прочтении этой статьи, вероятно, не совсем хорошо. - После этой статьи несколько слов, сказанных Салтыковым о Буренине в присланном им фельетоне, теряют свою ядовитость".

Что плещеевские предположения об окончательном посрамлении Буренина подтвердились, об этом можно судить по письму к Некрасову Н. С Курочкина, отправленному всего несколькими днями позже: "Полемика с "Пет. Вед." кончилась совершенным поражением Буренина. Он в наследием фельетоне... [не разобрано] защищаться, но защита его вышла окончательно слабой, беззубой".

Та солидарность, которую проявила редакция "Отечественных Записок" во всем этом инциденте, не помечала, однако, Некрасову взглянуть на него с особой и совершенно самостоятельной точки зрения. У нас имеется отрывок его незаконченного письма к Михайловскому, посвященный данному вопросу:

"Уважаемый Николай Константинович. Я предлагаю вам из вашего фельетона выкинуть о Буренине все - так, чтобы и помину о нем на нынешний раз не было. Это будет явный выигрыш для книги, ибо чем реже упоминать в журнале это имя - тем лучше. А когда понадобится, то опять следует хватить во всю ладонь разом, как вы это сделали в No 6 {Очевидная ошибка. Речь идет о No 5.}. Того, что там было - вполне довольно, и не надо ослаблять впечатления той статьи. В статье вашей (теперешней), весьма серьезной и дельной, как-то нейдут то воробей, то другие выходки игривого свойства. Словом, такое я получил впечатление, прочитав статью, и прошу вас поверить мне и поправить. Я не охотник вмешиваться..." О основным положением Некрасова, исходя из которого он предлагал Михайловскому "выкинуть о Буренине все" и которое им так удачно сформулировано в словах "чем реже упоминать в журнале это имя - тем лучше", разумеется, трудно не согласиться, настолько оно является по существу своему

беспорным. Но, с другой стороны, у Михайловского, настоявшего в полном единении со своими товарищами по журналу, как это видно из приведенных писем Плещеева и Курочкина, на помещении своей статьи целиком, включая и "Беседу со старым воробьем", имелись, надо думать, серьезные основания так поступить. Об этих основаниях теперь уже судить довольно трудно, но весьма возможно, что здесь сыграло роль и желание защитить Салтыкова, очень остро реагировавшего на нападки Буренина, и сознание необходимости раз навсегда разъяснить читающей публике удельный вес "старого воробья". Как бы то ни было, в данном случае Некрасову пришлось поступиться своим мнением, что он и сделал, надо думать, без особых колебаний, так как, с одной стороны, всегда придерживался в своей редакторской деятельности принципа коллегиальности, с другой, не был "охотником вмешиваться" и изменять что бы то ни было в статьях тех сотрудников, которым он доверял.

Тем не менее исход этого разногласия между Некрасовым и Михайловским (может быть рассматриваем, как беспорное доказательство роста авторитета Михайловского в редакции "Отечественных Записок". В 1869 г., как мы видели, отказ Некрасова в помещении его "Литературных заметок" не вызывает с его стороны никаких возражений; в 1872 же году он не только начинает вести эти "заметки" в виде постоянного: отдела, но и включает в них материал, вызывающий возражения со стороны Некрасова. Нельзя не отметить, что 1 1/2 - 2 годами позднее, когда самому Некрасову пришлось стать объектом бранчивой критики Буренина, обрушившегося на такое великолепное создание его поэтического гения, как вторая часть поэмы "Кому на Руси жить хорошо" - "Крестьянка" (см. "СПБ Ведомости" No 26, 1874 г.), Михайловский снова собирался поставить на место зарвавшегося борзописца. Ему была передана пародия на Буренина, написанная Я. П. Полонским, страшно возмущившимся критическими приемами Буренина. Пародию эту редакция "Отечественных Записок", очевидно, не нашла возможным напечатать, но она навела Михайловского на мысль написать взамен нее нечто иное, как об этом можно судить из нижеследующей записки его к Некрасову: "Нездоровится и потому не являюсь самолично. Прилагаю две рукописи. Одна - проект, на который меня навела пародия Полонского. В этой форме можно все что угодно печатать, только бы исключительно в журналистку вдаваться. За проект не стою, можете и урезывать, и прибавлять, и совсем отвергнуть - не обижусь. Другая рукопись - статья для первого отдела январской книжки..."

К сожалению, "проект" Михайловского, повидимому, не осуществился, так каш: в первых NoNo "Отечественных Записок" 1874 г. мы не нашли ничего относящегося к Буренину. Очевидно, в данном случае восторжествовало мнение Некрасова: "чем реже упоминается в журнале это имя - тем лучше".

Все вышеизложенное с достаточной ясностью убеждает в прочности "и авторитетности того положения, которое Михайловский занял в "Отечественных Записках" чуть ли не с первых лет своего в них сотрудничества. Н. С. Русанов, изучавший архив Михайловского и посвятивший его описанию целую статью ("Русское Богатство" No 1, 1914 г.), говорит, что при рассмотрении переписки Михайловского с Некрасовым, Елисеевым и Салтыковым. Прежде всего поражает в ней то серьезное внимание, какое имел в главах основателей "Отечественных Записок" Н. К. Михайловский, то уважение, "с которым относились к нему эти люди, бывшие одними из самых выдающихся русских умов той эпохи. Даже в лаконических по большей части записках Некрасова звучит эта нота признания редких достоинств Михайловского как идейного писателя.

Так, в письме от 19 декабря 1875 г. Некрасов, извещая Михайловского о том, что цензура требует исключения из его статьи слов о парижской коммуне, просит Михайловского заехать к нему поскорее, чтобы можно было "сделать эту урезку при содействии Вашем, дабы статья сохранила по возможности приличный вид". В другом письме без даты Некрасов с большой искренностью старается разъяснить недоразумение со статьей Михайловского, которую по типографским соображениям, в виду запоздания писавшего, пришлось отложить на следующий месяц. "По искреннему моему убеждению из-за подобного недоразумения нет повода расходиться нам, и я очень был бы рад, если бы Вы пришли к тому же заключению".

Цитированные Н. С. Русановым письма Некрасова к Михайловскому относятся к середине 70-х годов, использованная же нами (переписка между этими двумя деятелями захватывает более ранний период - конец 60-х и начало 70-х гг. В результате получается материал, позволяющий высказать несколько общих суждений о характере их отношений. Прежде всего, приходится констатировать, что этот характер определяется словом *деловой*. Ничего, кроме как о деле, в них нет. Почему именно у Михайловского не состоялось более короткого знакомства с Некрасовым, об этом он рассказывает в своих воспоминаниях: "Странно сказать, но из всех трех стариков редакции я был, что называется, "знаком" только с Елисеевым, и это за все время существования "Отечественных Записок". Приходилось, разумеется, очень часто видаться с Некрасовым и с Салтыковым, но, за весьма редкими исключениями, это были свидания по делу. Склад жизни Некрасова так же резко отличался от склада жизни Салтыкова, как и сами они резко разнились друг от друга. Но для меня и с тем и с другим одинаково невозможны были товарищеские, приятельские отношения, внешним образом выражающиеся тем, что люди друг к другу ходят чайку попить, поболтать и т. п... Слишком уж велика разница была в наших привычках, обстановке, во всем складе жизни. Без дела я бывал у Салтыкова только во время его болезни. Еще меньше житейских точек соприкосновения было у меня с Некрасовым, который жил баринством, имел обширный круг разнообразных и несколько для меня не занимательных знакомств, шибко играл в карты, устраивал себе грандиозные охотничьи предприятия, а я, не говоря о прочем, не беру карт в руки и терпеть не могу охоты".

Инициатива некоторого "холодка", веявшего между Михайловским и Некрасовым, но не исключавшего их взаимного доброжелательства, принадлежала скорее первому, чем второму. Михайловский отмечает в своих воспоминаниях несколько фактов, которые нельзя рассматривать иначе, как попытки со стороны Некрасова обрести иную, кроме деловой, почву для знакомства с Михайловским. Он, оказывается (см. "Литературные воспоминания"), "тащил" Михайловского на обеды какого-то модного в то время гастрономического общества; увлек его однажды ("единственный раз в жизни", - говорит Михайловский) в балет, но суровому вождю идейного народничества гастрономическое общество показалось "до уродливости странной формой разврата", а движения танцовщиц в балете "некрасивыми и невыносимо скучными". Когда же Михайловскому привелось попасть на одно из специальных собраний, происходивших у Некрасова в целях "общения с нужными людьми", он вынес оттуда Очень тяжелое впечатление. "Это было некрасивое зрелище,-- пишет он в "Литературных воспоминаниях". Из ненужных людей, кроме меня, был только Салтыков, остальные все нужные. Правда, это были *dii minores* Олимпа нужных людей, но все-таки значительные, почтенные люди. Некрасов накормил нас хорошим обедом, напоил хорошим вином, потом сели играть в карты на нескольких столах. Игра была небольшая, не некрасовская. Некрасов был очень мил и любезен, но его такт избавлял его от каких-нибудь заискивающих форм любезности. И все-таки мне было как-то не по себе, как-то чуждо и жутко, точно я в дурном деле участвовал. Я больше не бывал в этих собраниях, и не только потому, что мне на них делать нечего было, так как в карты я не играю,-- просто почти бессознательно чувство брезгливости протестовало".

Из этих примеров видно, что Михайловский, умевший ценить Некрасова, воздававший ему должное и как поэту и как журналисту, принадлежал, однако, к совершенно иному общественно-психологическому типу, чем он; отсюда и отмеченный выше холодок в их отношениях, отсюда и некоторая, быть может, излишняя настороженность Михайловского к мотивам, руководившим в иных случаях действиями Некрасова. Весьма характерен в этом смысле один эпизод, касающийся их денежных счетов, о котором также рассказывается в "Литературных воспоминаниях. Михайловский, задолжав крупную сумму конторе "Отечественных Записок", получил однажды от Некрасова отказ в новом авансе, после чего вернулся домой "с горьким и обидным чувством", которого не мог преобороть, хотя и "понимал, что Некрасов прав". Через несколько дней Некрасов пригласил Михайловского к себе и, сказав: "вы нам человек нужный", выдал просимые деньги. Казалось бы, из этого эпизода можно сделать один вывод, а именно, что Некрасов был очень отзывчивым к нуждам своих сотрудников редактором, раз, несмотря на значительную задолженность одного из них, заставившую его очень колебаться, все же в конце концов пошел навстречу его желаниям. Однако Михайловский, не будучи, очевидно, в силах отделаться от несколько недоверчивого отношения к Некрасову, снова говорит о "тяжелом впечатлении", оставленном словами поэта, находя, что "как-то уж очень жестко и обнаженно вышло", что деньги ему даются, главным образом, в виду его полезности и нужности как сотрудника, но отнюдь не в силу личных

симпатий. А между тем именно к этому времени относится цитированное выше письмо Некрасова к Краевскому, наполненное похвалами по адресу Михайловского. Подобного рода недоразумения, само собой разумеется, вполне возможны и допустимы при исключительно деловых отношениях между людьми различного душевного склада и различных привычек. Когда мы говорим "исключительно деловых отношениях", мы опять-таки имеем в виду главным образом Михайловского, потому что Некрасов, чувствуя в своем молодом сотруднике не только Крупную интеллектуальную силу, но и человека с высоким моральным закалом, кроме отмеченных уже попыток вовлечения его в круг своих ладных интересов, несколько раз ощущал потребность излить перед ним свою душу. Было это в 1869 г. непосредственно под впечатлением брошюры Антоновича и Жуковского, в 1873 г. в Киссингине и, наконец, в тяжелый год последних расчетов Некрасова с жизнью. Однако высказаться вполне ни в том, ни в другом, ни в третьем случае Некрасову не удалось. Может быть потому, что он не находил слов для выражения "той казни мучительной, которую в сердце носил"; может быть потому, что не встретил достаточно сочувственного отклика со стороны того, к кому обращался. "Я хорошо помню,-- с полной откровенностью говорит Михайловский в своих воспоминаниях,-- что ни единым нескромным вопросом не вызвал его на откровенность. Он сам начал, а я даже не поддержал этого щекотливого разговора. Мне было неловко". Трудно сомневаться в том, что здесь опять-таки сыграла роль все та же разница в нравственном складе, в психологическом типе, наконец, в возрасте, которую нам уже приходилось отмечать, характеризуя отношения Некрасова и Михайловского: она связывала язык Некрасову, она же мешала Михайловскому каким-либо наводящим вопросом, каким-либо сочувственным возгласом облегчить Некрасову дальнейшее высказывание...

Однако деловой характер отношений между Михайловским и Некрасовым имел и свою положительную сторону. Не будучи никогда не только в "дружбе", но даже в близком личном знакомстве с Некрасовым, Михайловский тем самым приобрел право судить о нем впоследствии, не боясь упреков в пристрастии. Разумеется, этот "суд" сделался возможным лишь после смерти Некрасова, так как при жизни его сотрудники его журнала по понятным соображениям писать о нем не могли. После же смерти Некрасова Михайловский, переживший его более чем на четверть века, как с удивительными постоянством и неутомимостью вел кампанию против "злопыхательства", временами избиравшего доброе имя поэта специальной мишенью, так и всемерно старался о разъяснении его литературно-общественных заслуг, об определении его места в истории русской литературы. Особый интерес в этом смысле представляют посвященные Некрасову страницы "Литературных воспоминаний" ("Русское Богатство" 1891 г., No 4), на которые нам уже неоднократно приходилось ссылаться. Здесь мы встречаемся с суровой отповедью по адресу реакционной рептилии - "Московских Ведомостей", позволивших себе заговорить о "развенчанном Некрасове", и с блестящей характеристикой личных свойств поэта. Здесь разбросано также много верных замечаний о выдающемся уме и редакторском такте Некрасова, об его отношении к начинающим сотрудникам, в классических выражениях формулировано значение, которое суждено было приобрести журнальной деятельности Некрасова в летописях русской общественности. "В наше время,-- "говорит Михайловский,-- "щиты и громоотводы", для сооружения которых Некрасов приносил столько моральных и неморальных жертв, утратили свое значение; они частью не нужны, частью невозможны; но тогда нужна была необыкновенная изворотливость, чтобы провести корабль среди бесчисленных подводных и надводных скал. И Некрасов вел его, провозя на нем груз высокохудожественных произведений, доставляющих ныне общепризнанную гордость литературы, и светлых мыслей, постепенно ставших всеобщим достоянием и частью вошедших в самую жизнь. В этом состоит его незабвенная заслуга, цена которой, быть может, даже превосходит цену его собственной поэзии".

Было бы ошибочно, однако, предполагать, основываясь на последних словах Михайловского, что он недостаточно ценил поэзию Некрасова. Правда, в своих многочисленных заметках о нем он преимущественное внимание уделяет ему как человеку и журналисту и сравнительно редко останавливается на нем как на поэте. Происходит это, однако, менее всего оттого, что поэзия Некрасова оставляла Михайловского равнодушным; скорее, наоборот, она имела для него слишком бесспорную и несомненную ценность, а потому он считал как бы излишним распространяться об ее достоинствах. Зато уж если Михайловский заговаривал о ней, то находил восторженные, за душу хватающие и даже несколько непривычные для этого обыкновенно очень выдержанного и спокойного писателя слова. В подтверждение сошлемся на напоминающий одно из лучших тургеневских стихотворений в

прозе отрывок, в котором Михайловский рассказывает о чтении Г. И. Успенским в Любани стихотворения "Рыцарь на час" избранному кружку друзей-писателей ("Русское Богатство", 1897 г., No 2), причем называет это стихотворение "изумительным" и говорит, что оно, "если бы он (т. е. Некрасов) даже ли одной строки дальше не написал, обеспечивало ему "вещную память", и что его "едва ли кто-нибудь, по крайней мере в молодости, мог читать без предсказанных поэтом "внезапно хлынувших слез с огорченного лица".

И несколько позднее, в конце 90-х годов, Михайловский неоднократно возвращался к Некрасову в своих статьях. В январском No "Русского Богатства" за 1898 г. он откликнулся на двадцатилетие смерти поэта, причем с чувством живейшего удовлетворения констатировал, что "бледная, в крови", "муза мести и печали" далеко еще не забыта, и "рыдающие звуки" "Рыцаря на час" попрежнему вызывают сочувственный отзвук в сердцах слушателей". Попутно Михайловский не упустил случая произвести суровую, расправу с "таким ничтожеством, как г. Льдов", осмелившимся заявить, что "от преклонения этого (т. е. перед Некрасовым) не осталось и следа"... Из литературы, приуроченной к двадцатилетней годовщине смерти поэта, Михайловский счел нужным отметить статью Голубева ("Новое Время", 24 дек. 1897 г.), в которой рассказывается история школы в селе Абакумцево, вблизи Грешнева, устроенной при содействии Некрасова и содержавшейся на его средства, и статью Якушкина ("Русск. Вед."). В этой последней внимание Михайловского было остановлено (коротеньким письмом Некрасова к П. А. Ефремову, в котором поэт выражает радость по поводу того, что "отступил от своей привычки молчать" и имел с Ефремовым откровенную беседу. Письмо это дало повод Михайловскому дать мастерской анализ тех психологических причин, которые способствовали возникновению и укреплению некрасовской "привычки молчать". Заключительные слова Михайловского не лишнее будет напомнить читателям: "Собственная подноготная была несомненно неясна Некрасову. Азбуку морали, называющую низкого беса низким, он, конечно, знал, но как уживается этот бес с высокими порывами светлого духа, с любовью ко всем несчастным, униженным и оскорбленным, с любовью и жаждою любви?.. Судьба не дала Некрасову ответа на этот мучительный вопрос может быть потому, что, окружив его всякими, -- и дрянными и возвышенными людьми, -- не дала ему встретиться с родной душой. Отсюда привычка молчать и гордая тоска, прерываемая попытками высказаться, выложить душу, иногда может быть и удачными, как в недостаточно ясном эпизоде с П. А. Ефремовым, но большей частью вероятно неудачным, как те затрудненные предсмертные покаянные речи, о которых я писал в своих воспоминаниях. Единственным люком, через который выходило на белый свет нечто из этой темной глубины, была литература, поэзия, в ней был Некрасов и один, сам с собой, и в то же время со множеством неведомых людей. Тем дороже должна быть нам эта поэзия"...

Через три месяца, в апрельском номере "Русского Богатства" за 1898 г., Михайловский дает "справку о Некрасове" в связи с судьбой того автографа поэта, который был подарен им депутации петербургских студентов, пришедшей навестить его на смертном одре.

Наконец, и в последние годы своей жизни Михайловский не упускал случая напомнить обществу о великом поэте-народолюбце, а особенно охранить его имя и его литературно-поэтическую деятельность от всяких кривотолков, порождаемых то невежеством, то недомыслием, то недобросовестностью. Так в декабре 1902 г. ("Русское Богатство") Михайловский высказал несколько очень (неприятных вещей до адресу Александра Бенуа, который в своей "Истории русской живописи в XIX веке" не усомнился заявить, что лишь в 80-е годы, когда все "мало-по-малу охладели к суетным вопросам политики, когда после двадцатилетней бури наступило надолго почти полное умиротворение", стали "оценивать по-должному священные слова Толстого, Вл. Соловьева, Страхова, Тютчева, Тургенева, Фета, Майкова и... Достоевского", "звезды же Некрасовых, Щедриных, Писаревых и Добролюбовых стали меркнуть одна за другой".

В январе 1903 г. ("Русское Богатство") Михайловский, подводя итог юбилейной литературе, вызванной 25-летием смерти Некрасова, с особым вниманием остановился на статье Ашешова (в "Образовании"), в которой этот критик переоценил значение полемической брошюры Антоновича и Жуковского, а главное, прикрываясь изъявлениями полного уважения к поэзии Некрасова, пытался провести мысль о том, что "поэзия народной скорби "вообще" не может уже удовлетворить современное поколение", у которого столько насущных задач и

неотложной деятельной работы, что "какой-то байронизм Ярославской губернии был бы не только излишним и бесполезным, но и вредным". Бесподобной по своей тонкой язвительности статьи Михайловского мы не будем цитировать, заметим только, что и фальшь ашешовского определения поэзии Некрасова, как поэзии народной скорби "вообще", и нелепость его упрека Некрасову в "байронизме Ярославской губернии" были вскрыты Михайловским с беспощадной ясностью и неопровержимой последовательностью.

В следующей статье ("Русское Богатство" No 2, 1903 г.) Михайловский занялся "Воспоминаниями" М. А. Антоновича о Некрасове, причем обнаружил всю недостоверность утверждений Антоновича о том, что при переходе "Отечественных Записок" в руки Некрасова "Елисеев отбился от артели" бывших сотрудников "Современника" и, прельщенный Некрасовым, совершил таким образом нетоварищеский поступок. Хотя цель Михайловского состояла в реабилитации Елисеева, а не Некрасова, в неправильном истолковании поступков которого г. Антонович и сам каялся, однако с прояснением в этой истории позиции Елисеева прояснилась и роль Некрасова. Оказалось, что не Елисеев "отбился от артели", а ближайший друг Антоновича, Жуковский, не пожелал принять его в артель, о чем прямо и заявил Некрасову в присутствии Елисеева, и лишь после этого Некрасов решил, кого из бывших сотрудников ему не следует брать в новый журнал.

Наконец в последней из своих журнальных статей ("Русское Богатство" No 1, 1904 г.), появление которой в печати почти совпало со смертью Михайловского, он изобличил старую клевету на Некрасова, пущенную в ход еще Лесковым. Прочитав то место статьи Лескова "Загадочный человек", в котором сначала заподозревается искренность таких выдающихся сотрудников "Современника", как Чернышевский и Елисеев, а затем преподносится в категорической форме обвинение Некрасова в лицемерии, выразившемся-де в том, что в своих юношеских стихах (сборник "Мечты и звуки") он звал к смирению самонадеянный человеческий ум, считая веру единственным путем к знанию,-- Михайловский рядом неопровержимых фактов доказывает вздорность наветов Лескова в отношении каждого из названных им писателей; собственно же по (поводу навета на Некрасова говорит следующее: "Некрасов скупал и уничтожал экземпляры своей книжки "Мечты и звуки" не потому, что там встречаются слова "бог", "творец", "вера",-- атеистом или неверующим он никогда себя не афишировал - а просто потому, что сознавал слабость этих стихов мальчика в 17-18 лет. Но, конечно, придя в возраст, он уже не так ребячески относился к знанию, как в "Мечтах и звуках". И кроме Лескова или, по его словам, Бенни, никогда и никто, ни даже злейшие враги Некрасова не подходили к нему с упреком с этой стороны. Нужна была виртуозность Лескова, чтобы бросить в него таким просто нелепым камнем. Ни тени лицемерия, ни намек на измену убеждения тут нет, и "вся инсинуация рассчитана на несведущих или невнимательных читателей, каких, конечно, всегда много: как-никак, а что-то лишний раз все-таки брызнуло на музу "мести" и печали".

Из сочинений Михайловского можно было бы извлечь гораздо больше отзывов и упоминаний о Некрасове. Мы, однако, считаем возможным ограничиться сделанными уже ссылками, так как их с избытком достаточно, чтобы доказать, что ни один из наиболее крупных наших критиков середины и второй половины XIX века не уделял столько внимания Некрасову, как Михайловский. Свободный от всякого подозрения в личном пристрастии, видя в Некрасове не "друга" и не "хорошего знакомого", а прежде всего известную общественную величину. Он в полном смысле этого слова стал паладином его памяти, так как, с одной стороны, за падениями и компромиссами личной жизни поэта рассмотрел здоровое и чистое ядро его природы, которая влекла его "наполнить жизнь борьбою за идеал добра и красоты", с другой же стороны, яснее, чем кто бы то ни было другой, мог, оценить и на самом деле оценил Некрасова как журналиста. Там, где "злопахательство" и недомыслие пробовали очернить личность Некрасова или усомниться в продуктивности его общественного служения, а тем более говорить о Некрасове, как об отжившем писателе, там неизменно являлся строгий облик Михайловского, и его основанная на фактах, сильная своим беспристрастием речь разъясняла вопрос, и разъясняла его обычно в благоприятном для Некрасова смысле.